

УДК 339 (1*ЕТ)

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.07

Институты распределения и использования официальной помощи развитию в Эфиопии

Софья Николаевна ЗАМЕСИНА

старший лаборант Центра изучения африканской стратегии БРИКС
Институт Африки РАН
ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001
E-mail: sofya.zamesina@mail.ru
ORCID: 0009-0002-1736-521X

Андрей Леонидович САПУНЦОВ

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра
изучения проблем переходной экономики
Институт Африки РАН
ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001
E-mail: andrew@sapuntsov.ru
ORCID: 0000-0001-5689-5737

ЦИТИРОВАНИЕ: Замесина С.Н., Сапунцов А.Л. Институты распределения и использования официальной помощи развитию в Эфиопии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 3. С. 115–130. DOI: 10.31249/kgt/2025.03.07

Статья поступила в редакцию 24.08.2025.
Исправленный текст представлен 28.09.2025.

АННОТАЦИЯ. В работе проводится анализ потоков официальной помощи развитию, поступающей в Эфиопию; она структурирована по двум направлениям: по странам-донорам и по отраслям-получателям экономики Эфиопии. Особое внимание уделяется различиям официальной помощи развитию, выделяемой новыми донорами, к которым относят крупные развивающиеся страны, в частности Китай и Индию, а также некоторые арабские государства, и организациями, традиционно предоставляющими помощь развитию и возможностям для рационального использования указанных средств в целях повышения уровня жизни местного населения. Проводится исследование о взаимозависимости поступлений официальной помощи из-за рубежа как фактора экономического роста Эфиопии, в том числе источника ресурсов для развития инфраструктуры, сельскохозяйственных предприятий и организаций социальной сферы, включая медицину и образование. Разработанная эконометрическая модель с временным лагом учитывает факторы институциональной среды Эфиопии (такие как политическая

нального использования указанных средств в целях повышения уровня жизни местного населения. Проводится исследование о взаимозависимости поступлений официальной помощи из-за рубежа как фактора экономического роста Эфиопии, в том числе источника ресурсов для развития инфраструктуры, сельскохозяйственных предприятий и организаций социальной сферы, включая медицину и образование. Разработанная эконометрическая модель с временным лагом учитывает факторы институциональной среды Эфиопии (такие как политическая

стабильность, качество государственного управления и нейтрализация коррупции) в связи с достижением уровня экономического роста и продуктивного использования внешнего финансирования в экономику Эфиопии. Результаты исследования показали корреляцию между качеством институтов экономики Эфиопии и объемами поступлений официальной помощи развитию, однако дальнейшая абсорбция указанной помощи остается неоднозначной вследствие коррупции и нецелевого использования поступивших из-за рубежа финансовых ресурсов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Африка, бедность, борьба с коррупцией, качество государственного управления, официальная помощь развитию, экономические институты, экономический рост, Эфиопия.

Введение

Официальная помощь развитию (ОПР) представляет собой финансовые и иные экономические ресурсы, которые страны с относительно высоким уровнем развития предоставляют бедным странам в целях стимулирования экономического роста и повышения уровня благосостояния местного населения. В частности, такой категории придерживаются эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), выделяя следующие формы предоставления ОПР: гранты, займы на льготных условиях, техническая помощь, обмен опытом и знаниями, а также гуманитарная поддержка в чрезвычайных ситуациях. По последним данным Всемирного банка, всего в мире в 2021 г. было предоставлено помощи на сумму 202 млрд

долл., в том числе 62 млрд долл. странам Африки южнее Сахары (АЮС)¹.

В методологии Министерства финансов Эфиопии, которое служит основным координатором использования поступающей из-за рубежа ОПР, особое внимание уделяется четкому терминологическому разграничению форм финансовой поддержки [MOFED, 2024]. Грант определяется как безвозмездная и безвозвратная передача денежных средств, товарных ресурсов или услуг, не предполагающая каких-либо обязательств со стороны получателя. Льготный кредит, в свою очередь, представляет собой заемные средства, которые должны быть возвращены, но на условиях, существенно отличающихся от рыночных. Согласно международным стандартам ОЭСР, такой кредит должен содержать не менее 35% грантового элемента, что обеспечивается за счет пониженных процентных ставок (часто ниже рыночных), удлинённых льготных периодов (когда выплачиваются только проценты) и продолжительных сроков полного погашения (обычно 20–30 лет).

Объем и структура поступающей в Эфиопию ОПР

Эфиопия является одним из ключевых получателей международной помощи развитию. По объему привлекаемых средств страна занимает второе место в Африке. В период с 2017 по 2022 г. ежегодный приток помощи в Эфиопию в среднем превышал 5 млрд долл. США и продолжал устойчиво расти. Зависимость экономики страны от помощи является крайне высокой. Этот показатель, рассчитываемый как отношение объема ОПР к валовому национальному доходу, со-

1 Net official development assistance and official aid received. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/dt.oda.all.d.cd> (дата обращения: 26.06.2025).

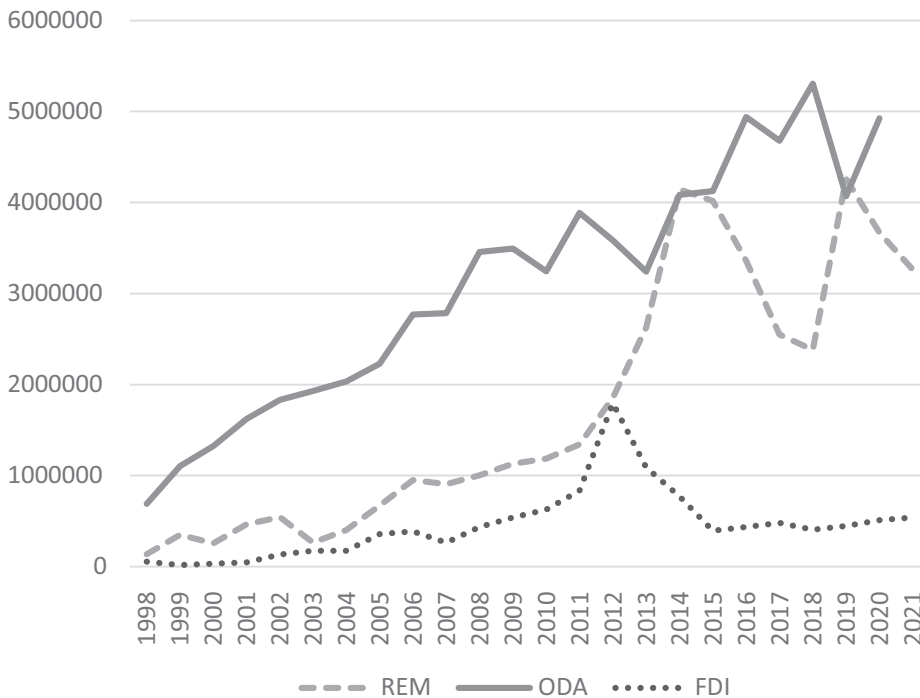

Рисунок 1. Соотношение объемов внешнего финансирования в Эфиопии в 1998–2021 гг., тыс. долл.

Figure 1. Ratio of external financing volumes in Ethiopia, 1998–2021, thousands of dollars

Примечание: REM – денежные переводы из-за рубежа, ODA – ОПР, FDI – прямые иностранные инвестиции (ПИИ).

Источник: составлено по [MOFED, 2024] и данным Всемирного банка.

ставил в среднем 5,3%, что в 9 раз превышает средний показатель по развивающимся странам (0,58%) и почти вдвое – средний уровень по странам АЮС (3%)². Такая значительная зависимость от внешнего финансирования отражает как структурные проблемы национальной экономики, так и особый интерес международного сообщества к Эфиопии как стратегически важному региону Восточной Африки. Анализ структуры внешнего финансирования Эфиопии, представленный на рисунке 1, выявляет существенные

диспропорции между основными его компонентами.

Согласно данным рисунка 1, ОПР занимает доминирующее положение в структуре внешних денежных поступлений в экономику Эфиопии, устойчиво опережая по объемам другие формы финансирования.

Структура распределения ОПР в 2022/23 ф. г. демонстрирует существенные изменения в приоритетах финансирования (рисунок 2). Из общего объема 4,9 млрд долл. на проекты развития, реализуемые в рамках двусто-

² Aid for Trade at a Glance 2022 // OECD. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/aid-for-trade-at-a-glance-2022_9ce2b-7ba-en/full-report.html (дата обращения: 21.01.2025).

- Сельское хозяйство (а)
- Энергетика (б)
- Водное обеспечение и очистка (в)
- Управление и гражданское общество (г)
- Демографическая политика (д)
- Торговая политика (е)
- Лесное хозяйство (ж)
- Другое (з)
- Здравоохранение (и)
- Многоотраслевая поддержка (к)

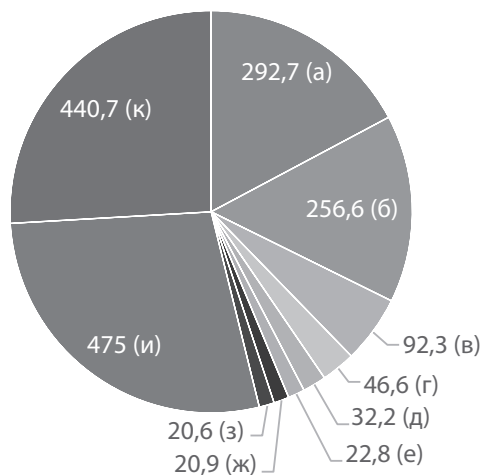

Рисунок 2. Отраслевая структура распределения ОПР в Эфиопии в 2022/2023 ф.г., млн долл.

Figure 2. Sectoral structure of ODA distribution in Ethiopia in FY2022/2023, millions of dollars

Источник: составлено по [MOFED, 2024].

ронних соглашений с Министерством финансов Эфиопии, было направлено 2,4 млрд долл. Примечательно, что уровень освоения этих средств снизился на 1,9% по сравнению с предыдущим отчетным периодом, что может свидетельствовать об определенных трудностях в реализации крупных инфраструктурных проектов. Параллельно наблюдался беспрецедентный рост объемов финансирования, распределяемого через неправительственные каналы, – 2,5 млрд долл. (увеличение на 213%), что было обусловлено резким увеличением гуманитарных ассигнований в связи с комплексным кризисом в стране [MOFED, 2024].

Региональные особенности поступления ОПР в Эфиопию

География доноров, отраженная в официальной эфиопской отчетности, демонстрирует лидерство стран Комитета содействия развитию (КСР)

(совокупно 1,055 млрд долл.), за которыми следуют Агентство США по международному развитию (USAID, 116 млн долл.) и Французское агентство развития (104 млн долл.). При этом совокупный вклад США с учетом гуманитарных программ значительно выше: согласно данным портала *Foreign Assistance*, объем американской помощи Эфиопии в 2023 ф. г. составил около 1,46 млрд долл., что подтверждает статус США как одного из крупнейших доноров страны. В 2022/23 ф. г. партнеры по развитию (включая членов КСР, а также не входящие в него лица) выделили Эфиопии 4,9 млрд долл. на проекты развития и гуманитарные мероприятия. Этот объем эквивалентен 1,5% ВВП страны. Секторальные приоритеты традиционных доноров распределились следующим образом: здравоохранение получило 475 млн долл., сельское хозяйство – 292 млн долл., тогда как межсекторальные программы составили

значительную часть финансирования [MOFED, 2024].

Основными факторами снижения объемов помощи стали перебои с выплатами бюджетной поддержки из-за продолжающегося вооруженного конфликта на севере страны в регионе Тыграй. Конфликтная ситуация привела к прекращению финансирования проектов в зоне боевых действий, эвакуации международных партнеров и консультантов, а также остановке реализации ряда программ [Ethiopia Aid Conference, 2024]. Дополнительными проблемами стали невыполнение исполнителями предварительных условий проектов, задержки с предоставлением отчетности о ходе реализации, а также нахождение некоторых проектов на завершающей стадии. Значительное влияние оказало и перераспределение ресурсов в пользу гуманитарной помощи³. Эти факторы в совокупности привели к существенному недополучению запланированных объемов помощи и снижению показателей в расчете на душу населения, что требует пересмотра механизмов сотрудничества с донорами в условиях продолжающейся нестабильности [Marzocchi, Arribas Cámará, 2024, p. 6–7].

Проведенный анализ охватывает традиционные формы ОПР, однако значительный пласт вопросов остается нераскрытым в отношении помощи, предоставляемой «новыми донорами», к которым относят крупные развивающиеся страны, в частности Китай и Индию, а также арабские государства. Термин «новые доноры» используется в отношении субъектов, которые не принадлежат к кругу «традиционных доноров», то есть к КСР. Приверженцы широкой трактовки от-

носят к «новым донорам» как государственных, так и негосударственных участников содействия международному развитию (например, частные фонды и неправительственные организации), тогда как узкая трактовка ограничивает их круг государствами, которые не входят в КСР [Бартенев, Глазунова, 2012]. Особую сложность представляет раннее ограниченная доступность сопоставимых данных по «новым донорам», что постепенно компенсируется накопленными исследовательскими базами: *AidData (Global Chinese Development Finance Dataset)* и *SAIS-CARI* по Китаю; отчетами *MOFED* (Эфиопия) по двусторонним соглашениям; материалами *Exim Bank of India* по кредитным линиям.

Всемирный банк традиционно концентрирует свои ресурсы на развитии социальной инфраструктуры и аграрного сектора, включая сельское, лесное и рыбное хозяйство. В отличие от этого, США делают основной акцент на программах демографической политики, репродуктивного здоровья и гуманитарной помощи. Великобритания, сохраняя фокус на социальной инфраструктуре с особым вниманием к образованию и здравоохранению, параллельно активно участвует в гуманитарных проектах. Европейские институты, в свою очередь, направляют значительные средства на развитие системы здравоохранения, транспортной инфраструктуры и логистики, одновременно поддерживая масштабные гуманитарные инициативы [Ethiopia Aid Conference, 2024]. Такая специализация отражает не только исторически сложившиеся приоритеты отдельных доноров, но и их стратегические интересы в регионе, создавая

3 Country programme document for Ethiopia 2020–2025 // UNDP. – 2025. – URL: <https://www.undp.org/ethiopia/publications/ethiopia-cpd-2021–2025> (дата обращения: 02.02.2025).

сложную мозаику международной помощи, которая требует тщательной координации на национальном уровне для достижения максимального эффекта развития.

Позиция эфиопского руководства в отношении международной помощи отличается двойственностью и избирательным подходом. С одной стороны, правительство официально признает ценность помощи от традиционных доноров, особенно в таких ключевых социальных сферах, как здравоохранение и образование, отмечая ее важную роль в сокращении бедности и развитии человеческого потенциала [Ramesh, Abebe, 2014, p. 654–655]. Однако в частных беседах и аналитических документах эфиопские чиновники выражают серьезные сомнения относительно трансформационного потенциала такой помощи, характеризуя ее как «сотрудничество ради выживания», которое не способно обеспечить переход к устойчивому процветанию [Gebregzi-abher, 2014, p. 521–522].

На этом фоне особенно выделяется роль Китая как крупнейшего «нетрадиционного» партнера. В официальной статистике ОПР грантовый компонент Китая действительно невелик (порядка 10 млн долл. в год), однако это не отражает реальный масштаб участия КНР: ключевой инструмент – льготные и связанные кредиты (часто с грантовым элементом ниже порога ОЭСР для ОПР), а также контрактное строительство и ПИИ. По оценкам исследовательских баз *AidData* и *SAIS-CARI*, совокупный портфель китайского финансирования инфраструктуры в Эфиопии – несколько миллиардов долларов.

Помимо Китая, важным «донором» стала Индия: по данным Экспортно-импортного банка Индии, совокупный объем открытых для Эфиопии кредитных линий превышает 1 млрд

долл., направленных на проекты железнодорожного сообщения и сахарной промышленности. Таким образом, вклад незападных «доноров» (прежде всего Китая и Индии) в развитие Эфиопии существенно возрос, хотя их деятельность отражена в официальной статистике неполно [Морозенская, Калининченко, 2024, с. 188].

Проведенный анализ выявляет сложную и неоднозначную картину международной помощи Эфиопии. С одной стороны, страна остается одним из крупнейших получателей традиционной помощи развитию, которая играет важную роль в поддержании социальной сферы. С другой – нарастает разочарование эфиопского руководства в эффективности такой модели, что выражается в растущем интересе к альтернативным формам сотрудничества, предлагаемым нетрадиционными «донорами», прежде всего Китаем [Ziso, 2020].

Институциональные факторы поступления ОПР в Эфиопию

В экономике развития продолжают дебатов о том, насколько эффективна официальная помощь развитию для стимулирования экономического роста в странах с низким уровнем дохода. Ученые сходятся во мнении, что эффективность влияния такой помощи сильно зависит от качества внутренних институтов стран-получателей.

Для оценки институциональной среды обычно используется методология Всемирного банка «Показатели *Worldwide Governance Indicators* (WGI)». Система показателей качества управления Всемирного банка *WGI* охватывает шесть ключевых институциональных параметров: право голоса и подотчетность, политическая стабильность, эффективность правительства, качество регулирования,

верховенство закона и борьба с коррупцией⁴. Необходимо определить влияние институциональных факторов на динамику социально-экономического развития Эфиопии, в том числе стимулируемую притоком внешних финансовых ресурсов. Эфиопский опыт опровергает тезис о неизбежном ослаблении институтов под влиянием масштабной внешней помощи, демонстрируя возможность их адаптации и укрепления при условии целенаправленной государственной политики [Girma, Tilahun, 2022, p. 19–20].

Эмпирические исследования показывают, что ОПР способствует росту прежде всего в странах с разумной макроэкономической политикой и сильными институтами управления [Dagne, 2024, p. 13]. Однако другие ученые оспаривают эту точку зрения, указывая, что связь между помощью и ростом часто остается слабой даже в странах с хорошим управлением. Они объясняют это нестабильностью потоков помощи и неэффективностью ее реализации. Другие исследования выявляют существенные различия во временных параметрах воздействия: если социальные эффекты ОПР могут проявляться относительно быстро (1–3 года), то инфраструктурные проекты требуют значительно большего времени (5–7 лет) для реализации своего полного потенциала; кроме того, результативность обоих видов внешней поддержки критически зависит от качества институциональной среды: повышение индекса эффективности государственного управления на 1 пункт увеличивает отдачу от помощи на 12–15% [The Role..., 2025].

В странах АЮС, для которых характерны значительные институциональные проблемы, ОПР часто не приводит

к достижению запланированных результатов. Ряд исследований показывает, что масштабный приток помощи может даже подорвать качество институтов, способствуя росту иждивенческих настроений и снижая подотчетность правительств перед собственными гражданами. В Эфиопии, несмотря на большой приток помощи, сохраняющиеся проблемы управления, такие как ограниченная политическая инклюзивность и бюрократическая неэффективность, сдерживают развитие страны [Головина, Безрукова, 2024, с. 41].

В научной литературе существуют два основных подхода к интерпретации модели развития Эфиопии: «авторитарное развитие» и «гибридное развитие». Согласно первой точке зрения, экономический рост в Эфиопии был достигнут мощным государственным вмешательством, но ценой политических репрессий и подавления частного сектора [Головина, Безрукова, 2024, с. 38]. Согласно второй, Эфиопия является частью общемирового тренда «гибридного развития», где быстрый рост, инициированный государством (как в Руанде, Китае и Вьетнаме), не обязательно сопровождается расширением политических свобод.

Существенные риски возникновения зависимости от ОПР, проявляющейся в ослаблении бюджетной дисциплины и снижении мобилизации внутренних ресурсов, лишь частично применимы к Эфиопии, сталкивающейся с комплексным финансовым дефицитом (бюджетным, сбережений и торгового баланса); внешнее финансирование остается для нее важнейшим ресурсом развития [Kebede, 2025, p. 3–4]. ОПР обеспечивает краткосрочную социальную стабилизацию и развитие человеческого капитала [Nagy, 2024, p. 237].

4 World Governance Indicators // World Bank. – 2024. – URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators> (дата обращения: 11.03.2025).

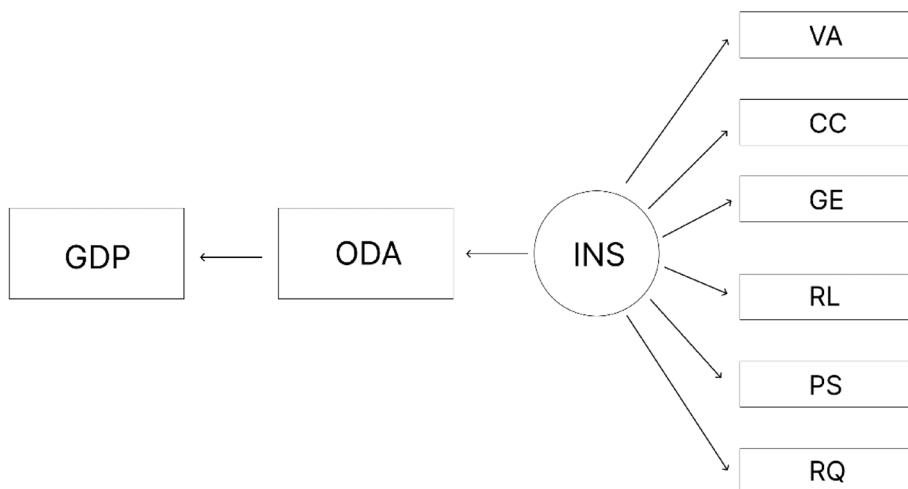

Рисунок 3. Схематичная модель эмпирического исследования

Figure 3. Schematic model of the empirical study

Примечание: ВВП – GDP, ОПР – ODA, институты – INS, право голоса и подотчетность – VA, контроль над коррупцией – CC, эффективность правительства – GE, верховенство закона – RL, политическая стабильность – PS, качество управления – RQ.

Количественная оценка экономических институтов Эфиопии

Методология исследования основана на качественном и количественном анализе притоков внешних источников финансирования, таких как официальная помощь развитию. В исследовании не рассмотрены портфельные инвестиции, поскольку фондовый рынок в Эфиопии находится на ранней стадии развития, и учрежденная в 1997 г. Эфиопская фондовая биржа до недавнего времени не функционировала; она возобновила работу только в 2025 г.⁵ Исследование базируется на предположении, что большая развитость институтов может усиливать или ослаблять эффекты от внешних поступлений.

На рисунке 3 приводится схематичная модель эмпирической части данного исследования, отражающая

смешанный характер применяемой методологии. В модели сведены как количественные, так и качественные параметры, а также показатели.

Выдвинутые гипотезы проверяются посредством регрессионного анализа причинно-следственных связей между институциональными факторами и ОПР в Эфиопии. Основная гипотеза, подвергаемая проверке, может быть сформулирована следующим образом:

H0: Институциональные факторы не оказывают влияние на экономический эффект от ОПР.

Соответственно нулевой гипотезе альтернативные гипотезы примут вид:

H1: Институциональные факторы влияют на эффекты от ОПР.

H2: Эффекты внешних поступлений носят положительную направленность.

H3: Институциональные факторы оказывают сильное влияние на эффекты от внешних поступлений.

⁵ Ethiopia: A Stock Market Relaunch Heralds Economic Transformation // Global Finance. – 2025. – URL: <https://gfmag.com/news/ethiopia-stock-market-relaunch/> (дата обращения: 12.03.2025).

Множественность гипотез исследования объясняется тем, что экономический эффект от ОПР может различаться как по направленности, так и по силе воздействия. Кроме того, нужно учесть, что ОПР выступает не только экономическим, но и политическим инструментом.

Базовое уравнение проверки гипотезы выглядит следующим образом (формула 1):

$$GTPper\ capita_t = \beta_0 + \beta_1 ODA_t + \sum_{i=1}^6 \gamma_i ISO_{i,t} + \epsilon_t$$

где

$GTPper\ capita_t$ – зависимая переменная, отражающая экономический рост на момент времени t (ВВП на душу населения);

ODA_t – официальная помощь развитию;

$ISO_{i,t}$ – институциональное качество;
 ϵ_t – ошибка модели (неучтенные факторы).

Первичный анализ данных проводился в рамках пакета *Gretl: GNU Regression, Econometrics, and Time-series Library*. Это статистический пакет с открытым исходным кодом, предназначенный для эконометрического моделирования. Выбор *Gretl* обоснован несколькими факторами. Во-первых, *Gretl* предоставляет интуитивно понятный графический интерфейс пользователя, а также поддерживает сценарии для опытных пользователей, что делает его подходящим как для новичков, так и для опытных эконометристов. В отличие от проприетарного программного обеспечения (например, *Stata*, *EViews*), *Gretl* является бесплатным с открытым исходным кодом, что обеспечивает воспроизводимость и доступность для академических исследований. Во-вторых, *Gretl* поддерживает линейные регрессионные модели, анализ панельных данных, эконометрику временных рядов (*ARIMA*,

GARCH) и регрессию инструментальных переменных (*IV*), которые необходимы для данного исследования, а также включает диагностические тесты (гетероскедастичность, автокорреляция, мультиколлинеарность), необходимые для проверки результатов регрессии. В-третьих, *Gretl* импортирует данные из наборов данных *Excel* и *CSV*, что облегчает беспрепятственную интеграцию с существующими базами данных.

Помимо пакета *Gretl*, в исследовании используется также *PLS-SEM*-анализ – моделирование структурных уравнений методом частичных наименьших квадратов. Необходимость привлечения этого более сложного инструментария обусловлено тем, что он позволяет комбинировать как количественные, так и качественные данные. Также этот метод позволяет работать с латентными переменными. Поскольку институциональные факторы – это ненаблюдаемые конструкции, которые измеряются через индексы, *PLS-SEM* позволяет объединить их в единую модель с количественными наблюдениями. Наконец, *PLS-SEM* позволяет проанализировать модеративные и медиативные связи между переменными. *PLS-SEM* устойчива к маленьким выборкам и не требует строгой нормальности данных, что особо актуально в рамках работы с африканскими базами данных, которые отличаются малым количеством наблюдений. Таким образом, использование *PLS-SEM* вместе с *Gretl* позволит учесть качественную природу институтов и проверить наличие значимых модеративных и медиативных эффектов в исследовательской модели.

Источниками статистической информации послужили базы данных международных организаций, а также данные национальных статистических органов. Сведения по экономи-

ческому росту Эфиопии были взяты из базы данных Всемирного банка *World Development Indicators*⁶, по ОПР – из базы данных ОЭСР. Институциональные факторы проанализированы на основе методологии *WGI*. Уровень институционального развития измеряется шестью индикаторами (см. рисунок 3).

В модели используются временные ряды по Эфиопии за 2002–2020 гг. ($n = 19$). Перед построением модели был проведен дескриптивный анализ выборки. Среднее значение ВВП на душу населения (462,28) значительно выше медианы (410,34), что указывает на правостороннюю асимметрию и говорит о возможных выбросах в сторону высоких значений. Большое стандартное отклонение (272,75) говорит о сильной вариации данных за 20 лет.

Все индексы институционального качества (кроме контроля над коррупцией) находятся в низком диапазоне (0–100), что типично для развивающихся стран. Наибольшая изменчивость наблюдается у индекса «эффективность правительства», наименьшая – у индекса «качество управления». Политическая стабильность крайне низка, что согласуется с историческим контекстом Эфиопии. Коэффициент корреляции между показателем ВВП на душу населения и показателями ОПР составил 0,92, что указывает на очень сильную положительную линейную связь, что может говорить о том, что увеличение ОПР связано с ростом ВВП на душу населения. Можно предположить, что ОПР способствует инвестициям в инфраструктуру, здравоохранение или образование, что косвенно стимулирует экономический рост.

Для устранения потенциальных проблем спецификации проводились дополнительные тесты. Временной ряд значений показателя ВВП на душу населения был проверен с помощью *ACF*- и *PACF*-тестов с включением 4 лагов. Согласно проведенному тесту, ряд стационарен. Качество модели в целом можно оценить как высокое: коэффициент детерминации $R^2 = 0,954$ свидетельствует о том, что модель объясняет 95,4% вариации исследуемого показателя. Все проведенные тесты указывают на сложность интерпретации результатов модели. Выводы еще раз подтверждают необходимость проведения смешанного исследования с более сложным инструментарием.

Эмпирические результаты исследования

В качестве метода оценки параметров модели был выбран метод наименьших квадратов, что соответствует стандартной практике эконометрического анализа. Особое внимание уделялось проверке статистических гипотез относительно значимости коэффициентов и общей объясняющей способности модели. Зависимой переменной выступил показатель подушевого валового внутреннего дохода, что позволяет оценить непосредственное влияние официальной помощи развитию на уровень экономического благосостояния населения. Такой выбор объясняемой переменной согласуется с рекомендациями Всемирного банка по оценке эффективности использования внешней помощи.

Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 1 и свидетельствуют о высоком уровне объясняющей способности модели.

6 World Development Indicators. – URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 26.07.2025).

Таблица 1. Основные результаты регрессионного анализа

Table 1. Main results of regression analysis

Показатель	Коэффициент	P-значение	Значение R ²	Уровень значимости
ODA	1,4457e-07	1,58e-11	0,924256	0,05

Коэффициент детерминации R^2 для всех переменных превышает 0,92, что указывает на то, что более 92% вариации зависимой переменной объясняется включенными в модель факторами. Согласно полученным значениям коэффициентов, ОПР положительно влияет на прирост ВВП на душу населения. Так, положительный коэффициент (1,4457e-07) указывает на то, что увеличение объема ОПР способствует росту ВВП на душу населения. Крайне низкое p -значение (1,58e-11) подтверждает статистическую значимость этого влияния. Полученные результаты согласуются с теоретиче-

скими ожиданиями и подтверждают альтернативные гипотезы.

Дальнейшее исследование проводилось с помощью метода *PLS-SEM*. Первая модель была построена для измерения медиативного эффекта институциональной среды на экономический эффект от ОПР (рисунок 4, таблица 2). Она проверяла гипотезу о том, что институциональная среда опосредует влияние ОПР на показатель ОПР на душу населения. На первом этапе исследования значимыми факторами оказались индекс коррупции и индекс верховенства закона, поэтому только они и были встроены в модель.

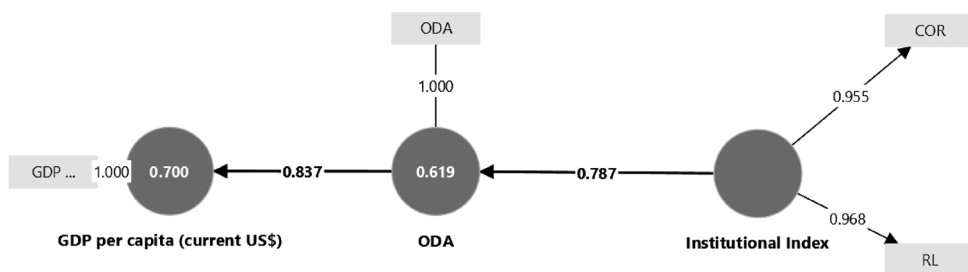

Рисунок 4. Влияние медиативного эффекта институциональных факторов на экономический эффект от ОПР

Figure 4. Mediation effect of institutional factors on the economic effect of ODA

Таблица 2. Результаты оценки качества первой модели

Table 2. Results of the first model quality assessment

Показатель	Composite reliability (rho_a)	AVE	Cronbach's Alpha	Composite Reliability (rho_c)
Значение	0,939	0,925	0,919	0,961

Таблица 3. Результаты анализа медиации между переменными ОПР, ВВП на душу населения и институционального фактора

Table 3. Results of the mediation analysis between the variables of ODA, GDP per capita and the institutional factor

	<i>Path coefficients</i>	<i>p-value</i>
<i>ODA</i> → <i>GDP per capita</i>	0,837	0,01
<i>Institutes</i> → <i>ODA</i>	0,787	0,01

Согласно результатам модели, качество институтов значимо положительно влияет на объем ОПР (таблица 3). Улучшение институционального индекса на 1 стандартное отклонение увеличивает приток ОПР на 0,787 SD. ОПР оказывает сильное положительное влияние на рост ВВП на душу населения. Увеличение ОПР на 1 SD приводит к росту ВВП на 0,837 SD. Косвенный эффект составил 0,659, что говорит о том, что через привлечение помощи развитию институтов способствуют росту ВВП.

На рисунке 5 рассмотрен модеративный эффект институциональных факторов на взаимосвязь ОПР и ВВП на душу населения.

Как показано в таблице 4, институты незначительно ухудшают влияние ОПР на экономический рост, поскольку коэффициент взаимодействия составил -0,03. Это может объясняться тем, что формально улучшенные институты могут временно замедлять распределение помощи из-за сложных процедур.

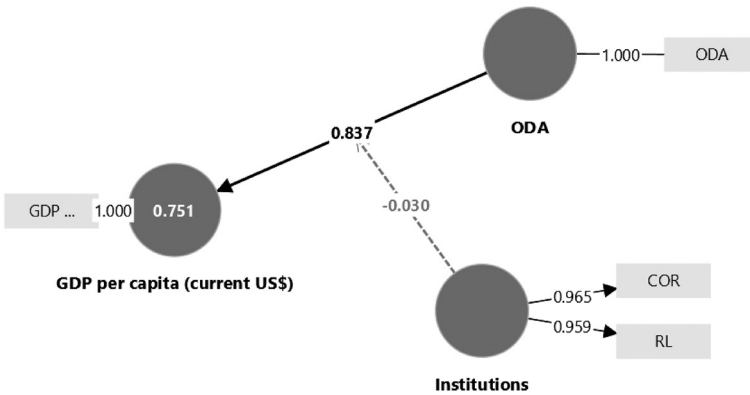

Рисунок 5. Модеративный эффект институциональных факторов на экономический эффект от ОПР

Figure 5. Moderator effect of institutional factors on the economic impact of ODA

Таблица 4. Результаты оценки качества второй модели

Table 4. Results of the second model quality assessment

Показатель	<i>Composite reliability (rho_a)</i>	<i>AVE</i>	<i>Cronbach's Alpha</i>	<i>Composite Reliability (rho_c)</i>
Значение	0,924	0,925	0,919	0,961

Таблица 5. Результаты анализа модеративного эффекта

Table 5. Results of the moderator effect analysis

	<i>Path coefficients</i>	<i>p-value</i>
<i>ODA</i> → <i>GDP per capita</i>	0,571	0,001
<i>Institutes</i> → <i>GDP per capita</i>	0,348	0,001
<i>Institutes</i> × <i>ODA</i> → <i>GDP per capita</i>	-0,03	0,001

Выводы эмпирического исследования

Проведенное исследование выявило сложную и неоднозначную взаимосвязь между официальной помощью развитию и экономическим ростом Эфиопии, опосредованную качеством институциональной среды. Высокий коэффициент взаимодействия ОПР и ВВП может отражаться в зависимости экономики от помощи, а не в ее эффективном использовании. Было выявлено, что институты практически не влияют на эффект от помощи, что в контексте Эфиопии может объясняться не только коррупцией и нецелевым расходованием ресурсов, но и слабостью ее экономической инфраструктуры. Последняя обусловлена многолетней политической нестабильностью и внутренними конфликтами (например, вооруженным противостоянием в регионе Тыграй в 2020–2022 гг., которое привело к замораживанию ряда проектов развития), институциональными проблемами планирования и реализации инвестиций, а также смещением приоритетов доноров в пользу гуманитарной и социальной помощи в ущерб инфраструктурным программам. Кроме того, отсутствие у Эфиопии выхода к морю и сложный горный рельеф повышают издержки развития транспортной и энергетической сети. В совокупности эти факторы препятствуют быстрому наращиванию инфраструктурного потенциала страны.

Проведенный эконометрический анализ позволяет сделать следующие выводы относительно сформулированных гипотез:

Основная гипотеза H_0 об отсутствии влияния институциональных факторов на экономический эффект ОПР частично отвергается (см. таблицу 5) – институциональные факторы действительно влияют на объем получаемой помощи (*Path coefficient*=0,787), но несколько ослабляют ее непосредственное воздействие на рост (-0,03).

Подтверждение нашли следующие альтернативные гипотезы:

1. H_1 – институты влияют на эффекты ОПР, преимущественно через механизм привлечения большего объема помощи.

2. H_3 – чистое влияние ОПР действительно положительно.

3. Гипотеза H_2 о сильном влиянии институтов подтверждается лишь частично: для ОПР институциональное воздействие умеренное.

Таким образом, исследование подтвердило ключевую роль институциональных факторов, но выявило не тривиальный характер их влияния, что может потребовать корректировки традиционных подходов к управлению внешним финансированием в условиях Эфиопии. Продолжение данного направления исследований применительно к другим странам АЮС позволит дополнить полученные результаты.

Список литературы

Бартенев В.И., Глазунова Е.Н. Содействие международному развитию. – Москва : Всемирный банк, 2012. – 408 с.

Головина С.Г., Безрукова А.В. Развитие социальной экономики в странах Африки: пример Эфиопии // Журнал монетарной экономики и менеджмента. – 2024. – № 2. – С. 32–42. – DOI: 10.26118/2782-4586.2024.84.79.005.

Морозенская Е.В., Калининченко Л.Н. Эфиопия: социально-экономическое развитие и возможности сотрудничества с Россией в науке и производстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 181–200. – DOI: 10.31249/kgt/2022.04.10.

Dagne G. Impact of Foreign Aid on Economic Growth of Ethiopia // The Indian Economic Journal. – 2024. – P. 1–15. – DOI: 10.1177/00194662231213583.

Ethiopia Aid Conference // Africa Research Bulletin. – 2024. – April 16 – May 15. – P. 24697.

Gebregziabher F. The Long-Run Macroeconomic Effects of Aid and Disaggregated Aid in Ethiopia // Journal of International Development. – 2014. – Vol. 26, N 4. – P. 520–540. – DOI: 10.1002/jid.2978.

Girma T., Tilahun S. Predictability of foreign aid and economic growth in Ethiopia // Cogent Economics & Finance. – 2022. – Vol. 10, N 1. – P. 1–25. – DOI: 10.1080/23322039.2022.2098606.

Kebede A.T., Ayal B.A., Alem Y.T. US Sanctions on AGOA: A Political Economy Analysis of Ethiopian Trade Development Challenges and Prospects //

Insight on Africa. – 2025. – P. 1–23. – DOI: 10.1177/09750878251338070.

Marzocchi G., Arribas Cámara J. Land Grabbing and Development: The Case of Ethiopia // Journal of Asian and African Studies. – 2024. – P. 1–18. – DOI: 10.1177/00219096241243281.

MOFED. Annual Development Cooperation Report of Ethiopia. Ethiopia fiscal year 2015 (2022/2023) // FDRE, Ministry of Finance. – 2024. – 79 p. – URL: https://www.mofed.gov.et/media/filer_public/0d/72/0d72a4a6-0f88-4cfc-96b0-8a2803b5d318/report_mof.pdf (дата обращения: 13.12.2024).

Nagy H., Abdulkadr A.A., Neszmeilyi G.I. The Role of Transport, ICT and Power Infrastructure in the Ethiopian Economy // Экономика региона. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 235–247. – DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-1-16.

Ramesh R., Abebe A. Has Economic Growth Contributed to Human Development in Ethiopia? // Journal of Asian and African Studies. – 2014. – Vol. 51, N 6. – P. 641–655. – DOI: 10.1177/0021909614555348.

The Role of Institutional Quality, Foreign Direct Investments, Financial Development and Official Development Assistance in Promoting Agricultural Development in Africa / Onyeneke R.U., Atta-Ankomah R., Chikezie C., Abiodun Ihebuzor U., Obieche N.P. // Natural Resources Forum. – 2025. – P. 1–16. – DOI: 10.1111/1477-8947.70027.

Ziso E. The Political Economy of the Chinese Model in Ethiopia // Politics Policy. – 2020. – Vol. 48, N 5. – P. 908–931. – DOI: 10.1111/polp.12374.

DOI: 10.31249/kgf/2025.03.07

Institutes of Distributing and Absorbing Official Development Assistance in Ethiopia

Sofya N. ZAMESINA

Senior Assistant, Centre for African Strategy in BRICS
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001
E-mail: sofya.zamesina@mail.ru
ORCID: 0009-0002-1736-521X

Andrey L. SAPUNTSOV

Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Centre for Transitional
Economy Studies
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001
E-mail: andrew@sapuntsov.ru
ORCID: 0000-0001-5689-5737

CITATION: Zamesina S.N., Sapuntsov A.L. (2025). Institutes of Distributing
and Absorbing Official Development Assistance in Ethiopia. *Outlines of Global
Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 3, pp. 115–130 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgf/2025.03.07

Received: 24.08.2025.

Revised: 28.09.2025.

ABSTRACT. *The paper analyzes the flows of Official Development Assistance (ODA) into Ethiopia. The study is structured along two primary dimensions: by donor countries and by recipient sectors within the Ethiopian economy. Particular attention is paid to emerging donors – primarily members of BRICS – and traditional ODA-providing organizations, as well as to the opportunities for the rational utilization of these funds to improve the living standards of the local population. The research investigates the interdependence between incoming foreign ODA and its role as a factor in Ethiopia's economic growth. A developed econometric model with a time lag in-*

corporates factors of Ethiopia's institutional environment – such as political stability, the quality of governance, and corruption mitigation – in relation to achieving economic growth targets. The findings indicate a correlation between the quality of Ethiopia's economic institutions and the volume of incoming ODA. However, the subsequent absorption of this assistance remains ambiguous due to corruption and the misallocation of incoming foreign financial resources.

KEYWORDS: *Africa, poverty, anti-corruption efforts, quality of governance, official development assistance (ODA), economic institutions, economic growth, Ethiopia.*

References

- Bartenev V.I., Glazunova E.N. (2012). *Assistance to International Development*. Moscow: World Bank, 408 pp. (In Russian).
- Dagne G. (2024). Impact of Foreign Aid on Economic Growth of Ethiopia. *The Indian Economic Journal*. Pp. 1–15. DOI: 10.1177/00194662231213583.
- Ethiopia Aid Conference (2024). *Africa Research Bulletin*. April 16 – May 15, p. 24697.
- Gebregziabher F. (2014). The Long-Run Macroeconomic Effects of Aid and Disaggregated Aid in Ethiopia. *Journal of International Development*. Vol. 26, no. 4, pp. 520–540. DOI: 10.1002/jid.2978.
- Girma T., Tilahun S. (2022). Predictability of foreign aid and economic growth in Ethiopia. *Cogent Economics & Finance*. Vol. 10, no. 1, pp. 1–25. DOI: 10.1080/23322039.2022.2098606.
- Golovina S.G., Bezrukova A.V. (2024). Development of Social Economy in African Countries: The Example of Ethiopia. *Journal of Monetary Economics and Management*. No. 2, pp. 32–42 (in Russian). DOI: 10.26118/2782-4586.2024.84.79.005.
- Kebede A.T., Ayal B.A., Alem Y.T. (2025). US Sanctions on AGOA: A Political Economy Analysis of Ethiopian Trade Development Challenges and Prospects. *Insight on Africa*. Pp. 1–12. DOI: 10.1177/09750878251338070.
- Marzocchi G., Arribas Cámara J. (2024). Land Grabbing and Development: The Case of Ethiopia. *Journal of Asian and African Studies*. Pp. 1–18. DOI: 10.1177/00219096241243281.
- MOFED (2024). Annual Development Cooperation Report of Ethiopia. Ethiopian fiscal year 2015 (2022/2023). *FDRE, Ministry of Finance Ethiopia*. 79 pp. Available at: https://www.mofed.gov.et/media/filer_public/0d/72/0d72a4a6-0f88-4cfc-96b0-8a2803b5d318/report_mof.pdf, accessed 13.12.2024.
- Morozenskaya E.V., Kalinichenko L.N. (2022). Ethiopia: Socio-Economic Development and Potential for Cooperation with Russia in Scientific and Production Spheres. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 15, no. 4, pp. 181–200 (In Russian). DOI: 10.31249/kgf/2022.04.10.
- Nagy H., Abdulkadr A.A., Neszmelyi G.I. (2024). The Role of Transport, ICT and Power Infrastructure in the Ethiopian Economy. *Economy of Regions*. Vol. 10, no. 1, pp. 235–247. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-1-16.
- Ramesh R., Abebe A. (2014). Has Economic Growth Contributed to Human Development in Ethiopia? *Journal of Asian and African Studies*. Vol. 51, no. 6, pp. 641–655. DOI: 10.1177/0021909614555348.
- The Role... (2025). Onyeneke R.U., Atta-Ankomah R., Chikezie C., Abiodun Ihebuzor U., Obieche N.P. The Role of Institutional Quality, Foreign Direct Investments, Financial Development and Official Development Assistance in Promoting Agricultural Development in Africa. *Natural Resources Forum*. Pp. 1–16. DOI: 10.1111/1477-8947.70027.
- Ziso E. (2020). The Political Economy of the Chinese Model in Ethiopia. *Politics Policy*. Vol. 48, no. 5, pp. 908–931. DOI: 10.1111/polp.12374.